

УДК 327. 8

*Песцов С.К.
Pestsov S.K.***Гигант выходит из тени: к дискуссии о мягкой силе Индии****Giant comes out of the shadows: discussion on India's soft power**

Одним из наиболее заметных событий рубежа веков стал почти одновременный стремительный подъём двух азиатских гигантов – Китая и Индии. Опираясь на растущие экономические успехи, Индия за короткое время существенно укрепила и свою «твёрдую» силу. С начала 2000-х гг. большее внимание она начинает уделять и своей «мягкой» силе, играя всё более заметную роль в региональных и международных делах. Данная работа рассматривает ряд тем, занимающих важное место в продолжающейся дискуссии о содержании и стратегии мягкой силе Индии.

Ключевые слова: *Индия, мягкая сила, привлекательность, культура, помощь развитию, демократические ценности, модель экономического роста*

One of the most significant events at the turn of the century was the rapid rise of the two Asian giants – China and India. Based on the growing economic success of India in a short time and significantly strengthened its «hard» power. Since the 2000s, India begins to pay more attention to its «soft» power, playing an increasingly important role in regional and international affairs. This paper examines a number of issues that occupy an important place in the ongoing debate on the content and strategy of soft power in India.

Key words: *India, soft power, attraction, culture, development assistance, democratic values, model of economic growth*

Одним из наиболее заметных событий рубежа веков стал почти одновременный стремительный подъём двух азиатских гигантов – Китая и Индии. Две страны с самой большой численностью населения, представляющие великие мировые цивилизации с тысячелетней историей, в последние десятилетия демонстрируют впечатляющие темпы экономического роста и очевидную динамику внутренних социальных перемен. Основное внимание исследователей, экспертов, политиков и общественности, до сих пор привлекает к себе Китай, первым вступивший на этот путь. Задержавшаяся на старте Индия постепенно сокращает отрыв. Занимая в 2014 г. 10-ю позицию по номинальному размеру ВВП, в 2015 г. она стала 7-й по этому показателю (Китай – 3-й). К 2020 г. Индия по прогнозам поднимется до 5-й позиции, а Китай станет 2-м [15]. По показателю размера ВВП по паритету покупательной способности с 8-го места в 2012 г. Индия поднялась до 3-его места (Китай – 1-й) [17]. Соотношение по темпам роста ВВП, составлявшее в 2000 г. 4,0% у Индии по сравнению с 8,4% у Китая, к 2016 г. претерпело заметное изменение. Индия вышла вперёд с 7,6% по сравнению с 6,6% у Китая [16].

ПЕСЦОВ Сергей Константинович, д.полит.н., профессор департамента массовых коммуникаций Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток). **E-mail:** skpfox@mail.ru

Опираясь на растущие экономические успехи, Индия за короткое время существенно укрепила и свою «твёрдую» силу. После ядерной сделки США – Индия в июле 2005 г. страна окончательно закрепилась в статусе легитимной ядерной державы [31]. В рейтинге военной мощи Global Firepower 2015 г. она поднялась на 4-ю позицию, непосредственно за Китаем, значительно опередив своих более развитых соседей – Южную Корею (7-я позиция) и Японию (9-я позиция) [6]. А в соответствии с рейтингом Глобального Индекса Милитаризации (Global Militarisation Index), который измеряет относительный вес и значимость военных структур государства в общественной системе в целом, Индия в 2015 г. оказалась на 83-м месте, оставив Китай (87-е место) позади [10, p. 14].

Однако, несмотря на все эти успехи, Индия по-прежнему остаётся в тени, играя менее заметную роль в международных и даже региональных делах, оказывая на них существенно меньшее, по сравнению с его соседом, влияние. Иллюстрацией этого является позиция Индии в Индексе Глобального Присутствия (Global Presence Index). Показатель «глобального присутствия» сконструирован для измерения того, как и в какой степени страны представлены за пределами своих границ, независимо от того, пытаются ли они реально реализовать своё влияние или силу. «Глобальное присутствие может быть основой силы – платформой или активом, которые могут трансформироваться во влияние или силу – если страна, расширяющая своё присутствие, в состоянии и готова добиваться этого» [29, p. 10–11]. Индия по этому показателю, занимая в 2015 г. 17-ю позицию, заметно отставала от находящегося на 4-й позиции Китая. Отставание это фиксировалось и в экономическом, и в военном, и наиболее радикально – в «мягком» присутствии [29, pp. 14–15, 18–20].

Анализируя малоприятные для Индии результаты другого исследования, специально посвящённого измерению мягкой силы, один из комментаторов вообще делает вывод, что в настоящее время она не обладает ни «твёрдой» силой, как США, Россия и Китай, ни «мягкой силой», как Великобритания, Германия или те же США. «Она не является ни тем, ни другим и потому её силы нет нигде в мире» [8]. Не соглашаясь полностью с такого рода утверждениями, многие эксперты, там не менее, признают, что «пока имеется мало доказательств того, что индийская «мягкая сила» формирует внешние политики других стран в отношении Индии, или политику Индии по отношению к ним» [1]. Даже то, что «широкой общественности во многих странах нравится Индия (или она не опасается её роста), – считают они, – не обязательно переводится в широкую основу индийской «мягкой силы» [18, p. 11].

Активная внешняя политика пришедшего к власти в мае 2014 г. правительства Н. Моди, как полагают многие эксперты, свидетельствует о возрастающих претензиях Индии на роль более активной мировой державы и её включение в разворачивающуюся в Азии конкуренцию в мягкой силе [36]. Заметно меньшее до недавнего времени внимание в Индии – теоретическое и практическое – к проблематике мягкой силы во многом обуславливалось общим контекстом развития страны. Во-первых, её первоначальная экономическая динамика в гораздо большей степени опиралась на внутренние факторы. Соответственно, потребность в благоприятном внешнем окружении, критически важная для стран, опирающихся на внешне-ориентированные стратегии роста, не являлась жизненно важной или приоритетной. Во-вторых, в силу целого ряда исторических и репутационных обстоятельств сама Индия и её экономический рост не воспринимались соседями и более широким окружением в качестве угрозы. Индия поэтому, в отличие от того же Китая, в гораздо меньшей степени сталкивалась с потребностью «исправ-

ления» своего внешнего имиджа. Наконец, в-третьих, это вытекало из распространённого и сохраняющегося до сих пор среди индийской элиты и общественности убеждения, что сама по себе мягкая сила бесполезна, либо её не существует вовсе без предварительного накопления нацией определённого потенциала «твёрдой» силы.

Ситуация стала постепенно меняться с начала 1990-х гг. в процессе трансформации индийской внешней политики. Эти перемены подталкивал меняющийся контекст и, в частности, растущая в ходе экономических реформ связь Индии с глобальными рынками, необходимость дальнейшей хозяйственной либерализации и открытости, увеличивающиеся потребности в энергетической и минеральном сырье для поддержания высоких темпов роста. Не менее важным фактором выступала и расширяющаяся внешнеполитическая активность, в том числе в непосредственном окружении Индии, её соседа и давнего оппонента, Китая. Важным элементом новой внешней политики Индии в отношении её ближайших региональных соседей стала доктрина Гурджала с её принципом невзаимности, который подчёркивал не только большую ответственность Индии, но и необходимость предоставления с её стороны малым соседям большего, чем она может получить от них [38, p. 7]. Одновременно с этим, новый подход акцентировал внимание на «культурном единстве Южной Азии», фундаментом которого выступало общее наследие. Это общее наследие, по словам Р. Сири, не просто отражается в религии, крикете, одежде, кухне и социальных обычаях, но создаёт основу «общей политической культуры» Южной Азии [35, p. 17].

Ещё более очевидный поворот Индии в отношении к мягкой силе и оценках её возможностей наметился в начале 2000-х гг. Одним из важных стимулов в этом случае стал все более очевидный интерес к мягкой силе как важному компоненту всеобъемлющей национальной мощи в интерпретации Китая, и все более настойчивые его усилия по интеграции имеющихся (предполагаемых) национальных активов мягкой силы в общую стратегию взаимодействий с внешним миром. Эта стратегия объединяла, как минимум, пять основных направлений: расширение медийных каналов коммуникации с зарубежными аудиториями, укрепление связей с диаспорами, продвижение национальной культуры (Институты Конфуция), создание и продвижение контрнарративов («мирный подъём», «мирный рост») и совершенствование механизма управления активами мягкой силы. Примером последнего стало создание в 2004 г. Департамента публичной дипломатии в рамках Департамента информации МИД КНР.

Соседи Китая, включая Индию, не могли не обратить на это внимание. Китайское «наступление очарованием», как отмечает ряд исследователей, вызывало значительное беспокойство Индии и усилило призывы к осуществлению аналогичных шагов со стороны Нью-Дели. Эти шаги рассматривались как часть общей политики стратегического «хеджирования» роста Китая с помощью подражания, уравнивания и повышения активности [7; 13]. Важнейшие из них включали (1) усилия Индии по охвату зарубежных индийцев, (2) налаживание коммуникаций с иностранными бизнес-интересами, (3) реализацию программ иностранной помощи и помощи развитию, (4) организацию мероприятий для демонстрации и продвижения «национального бренда» Индии и (5) использование новых социальных медиа, чтобы выйти на более молодые, технически подкованные аудитории [12, p. 1102]. Так, все большее внимание Индия стала уделять деятельности созданного ещё в 1950 г., но со временем утратившего энергию Индийского совета по культурным связям (ICCR). К 2013 г. его инфраструктура за рубежом постепенно расширилась до 20 региональных отделений, 35 культурных

центров и 93 кафедр по изучению языка и культуры в университетах по всему миру. В 2007 г. правительство Индии приступает к реализации программы студенческих обменов Индия – АСЕАН, а чуть позже к организации сети, связывающей индийские университеты с системой высшего образования АСЕАН [2].

Как и Китай, Индия начала более настойчиво укреплять связи со своими зарубежными диаспорами. В 2000 г. правительством был создан Комитет высокого уровня по делам индийской диаспоры и индийцев-нерезидентов, призванный содействовать вовлечению диаспор в экономическое, социальное и технологическое развитие Индии и использованию возможностей индийских сообществ за рубежом для улучшения внешнего имиджа страны [3]. Все более заметными становились и усилия Индии по предоставлению внешней помощи и помощи развитию. Начиная с 2000 г., она преобразует и дополняет рядом целевых инициатив свою прежнюю, довольно ограниченную программу иностранной помощи, ориентированную на Бутан, Непал и Мьянму. В 2008 г. Индия пожертвовала 26,7 миллиардов рупий (\$ 627 млн.) в рамках усилий по оказанию помощи, включавших гранты, кредиты и взносы в международные институты [4]. Для координации этой деятельности индийское правительство учреждает Администрацию партнёрства по развитию в рамках Министерства внешних связей и уже к 2011 г. Индия становится одной из основных стран-доноров, занимая второе после КНР место среди развивающихся стран по объёму предоставляемой помощи [26]. Значительная часть внешней помощи Индии приходится на африканские страны, где активно действовал и Китай. На саммите Индия – Африка в 2011 г. Индия обязалась выделить африканским странам 5 млрд. долл. в виде льготных кредитов и ещё 700 млн. долл. на разработку совместно с Африканским союзом (АС) новых институтов и программ подготовки кадров [26]. Наконец, в 2006 г. в Министерстве внешних связей Индии было создано специальное подразделение, призванное координировать усилия в сфере публичной дипломатии, объединяя и согласовывая активность официальных структур и неправительственных акторов [27].

Несмотря на все более активное включение в арсенал внешней политики Индии различных ресурсов и инструментов мягкой силы, очевидным недостатком, как отмечают многие наблюдатели, оставалось отсутствие общей согласованной стратегии и неадекватность её компенсации реактивными и *ad hoc* действиями. Все это вызывало растущую критику, указывающую на недостаточное внимание мягкой силе как важному инструменту государственной политики со стороны индийской дипломатии в качестве одной из основных причин общей слабости мягкой силы Индии [3]. Одновременно с этим критический анализ начал обнаруживать и более фундаментальные причины этого, способствуя более глубокому, детальному и трезвому взгляду на имеющиеся у страны активы мягкой силы, возможности и стратегии их эффективного использования. Не менее важным было и то, что в самой Индии стало расти общее осознание важности мягкой силы как ресурса, который может способствовать национальному развитию и укреплению положения страны в мире. Это происходило, в том числе, благодаря усилиям авторитетных сторонников и пропагандистов мягкой силы, таких как Ш. Тхарур, настойчиво доказывающих, что в современных условиях значение имеет не размер армии или экономики, а способность страны рассказать «лучшую историю» [37]. Заметные подвижки в этом отношении происходили и на уровне официальной политики. В 2007 г. Пранаб Мукерджи, нынешний президент Индии, а тогда занимавший пост и министра иностранных дел, констатировал: «хотя житейская мудрость подсказывает, что экономическая и военная мощь являются детерминантами прояв-

ления международной силы... недавняя история показывает, что такая сила способна работать эффективно только тогда, когда дополняется мягкой силой» [24].

Как и в большинстве случаев национальной адаптации идеи мягкой силы азиатскими странами, усилия Индии в этом направлении начинались с общей инвентаризации имеющихся или предполагаемых активов и ресурсов. Основой здесь также выступала формула мягкой силы Дж. Ная и его определение культуры, политических ценностей и внешней политики как основных конституирующих её элементов. Первоначальные оценки имеющихся у Индии ресурсов мягкой силы, как правило, были весьма оптимистичными. Бесспорным, по мнению большинства аналитиков, являлось то, что они весьма изобильны и многогранны. В их перечень включалось все – от музыки, литературы, искусства, кинофильмов, спортивных состязаний и природы до антиколониальной истории Индии, её демократических институтов, свободной прессы, независимой судебной власти, гражданского общества, мультиэтнического государства, атеизма, плюрализма, квалифицированной англоязычной рабочей силы, еды, кустарных промыслов, йоги, статуса Индии как ответственной ядерной державы, быстрого роста информационного и технологического секторов в таких местах, как Бангалор, и большой индийской диаспоры по всему миру [см., например: 14; 23; 33]. «Индийская демократия, наши процветающие свободные СМИ, наши форумы гражданского общества, наши энергичные правозащитные группы и повторяющиеся зрелища наших замечательных всеобщих выборов, все это, – считает Ш. Тхарур, – сделало Индию редким примером успешного управления разнообразием в развивающемся мире» [37].

Однако постепенно все более внимательный и трезвый анализ обнаруживал, что очевидная слабость мягкой силы Индии обуславливается не только неумелым и неэффективным управлением имеющимся богатством, но и иными, менее очевидными, но весьма важными обстоятельствами. К числу последних все чаще относят явное преувеличение в оценках имеющихся ресурсов, объективную невозможность эффективного их использования в складывающемся конкурентном окружении, ограниченность потенциальной способности некоторых из них генерировать ожидаемые эффекты, как вследствие более сложной природы механизма привлекательности, так и в результате противоречивой природы взаимодействий различных активов мягкой силы, способные не только усиливать, но и ослаблять друг друга.

Культуру – первый и чаще всего рассматриваемый в качестве важнейшего компонент и актив мягкой силы – в случае Индии в первую очередь олицетворяет, по мнению одних, её традиционная культура и духовные практики или, как считают другие, современная культура, которую представляет главным образом Болливуд. В отличие от Китая, однозначно акцентирующего внимание на ценностях традиционной культуры, Индия не только не обходит вниманием современную культуру, но и отдаёт ей предпочтение в качестве важного актива своей мягкой силы. Это сближает подход Индии со стратегиями ряда других азиатских стран, ещё более однозначно отдающих ей приоритет (Япония, Южная Корея). Данное различие вызывает необходимость выяснения того, каким образом культура переводится в национальную мягкую силу, и в какой из своих ипостасей – традиционной или современной – она в этом качестве обеспечивает желаемый эффект.

В исходной модели Дж. Ная под культурой подразумевалась современная американская массовая культура. И поскольку сама его концепция первоначально во многом была связана с интересами и потребностями США, можно было предположить, что присутствующий в ней

акцент на современной культуре отчасти обуславливался молодостью и довольно непродолжительной историей этой страны. Соответственно, бесспорное доминирование в мире американской популярной культуры, с одной стороны, и предполагаемое преимущество с точки зрения исторического культурного багажа, с другой, не могли не подтолкнуть странами с большим историческим опытом к восприятию и использованию традиционной культуры как важного конкурентного актива своей мягкой силы. Однако вопрос о том, одинаково ли работают традиционная и современная культуры в качестве источников мягкой силы, остаётся. Чтобы ответить на него, необходимо обратиться к понятию привлекательности, базовому для концепции мягкой силы. Это понятие уже становилось предметом обсуждения и критического анализа в работах разных авторов [см., например: 11; 20; 21]. В продолжение этой дискуссии могут быть высказаны ещё несколько замечаний.

Концепт привлекательности содержит, как минимум, два, не вполне совпадающих, смысла. Во-первых, привлекательность может пониматься как интерес к чему-то незнакомому, необычному, непривычному и оригинальному. В этом случае она выступает в качестве стимула испытать и попробовать, часто в форме получения единичного разового опыта. Привлекательность в данном смысле обуславливается уникальностью и помогает различению и выделению чего-то (индивиды, вещи или страны) из общего ряда. Она может выступать в качестве основы странового (национального) брендинга, обеспечивая важные экономические эффекты (туризм), но, после приобретения непосредственного опыта, её исходом может стать удовлетворение интереса (разовое знакомство), разочарование (утрата привлекательности) или же расширение интереса. Последнее может стать основой для трансформации в привлекательность иного рода.

Во втором смысле привлекательность является следствием признания чего-то важным и желательным, что можно и хотелось бы перенять, адаптировать и использовать в практике своей повседневной жизни. Именно в этом смысле привлекательность, как желательность определённых ценностей и принципов организации общественных отношений (политика) или индивидуального самовыражения и реализации творческих способностей (культура), трансформируется в мягкую силу. Можно предположить в этой связи, что традиционная культура в большей степени стимулирует привлекательность в первом её смысле, тогда как современная культура, напротив, обуславливает привлекательность во втором понимании. Очевидно, что и китайская, и индийская традиционные культуры, как и оригинальные традиционные национальные культуры многих других стран в одинаковой мере способны вызывать интерес, однако, во-первых, они не только непосредственно не производят мягкой силы, но и могут привести к её подрыву в результате более близкого знакомства с реалиями организации повседневной жизни тех или иных государств. Но пока что, как отмечает С. Коэн, «к большому огорчению [индийских элит], Индия всколыхнула западное воображение больше благодаря своим экзотическим и эзотерическим качествам, чем благодаря силе и влиянию как государства» [5, p. 26].

Ещё одним важным компонентом, весьма популярным в китайской интерпретации мягкой силы, но не получившим однозначного признания в индийской её версии, является экономика. В этом случае последняя в большей степени сохраняет сходство с оригинальной трактовкой мягкой силы Дж. Наём. Несмотря на настойчивое следование Индией за Китаем в плане расширения внешней помощи, многие исследователи специально подчёркивают, что «в индийском контексте важно разъяснить, что мягкая сила не может быть найдена в торговле, инвестициях

или политике иностранной помощи Индии» [26]. В целом соглашаясь с тем, что экономическое процветание порождает привлекательность, полагают они, экономическая дипломатия с гораздо большим основанием может быть определена как инструмент жёсткой силы» [25, р. 49]. Отчасти такого рода выводы проистекают из прагматичного признания наличия у страны сравнительно меньших экономических и финансовых возможностей. Вместе с тем, динамичная экономика Индии в сочетании с демократическими принципами её общественного устройства, полагает ряд исследователей, создаёт привлекательную и конкурентоспособную экономическую модель, альтернативную централизованной и авторитарной модели Китая [3]. Данное предположение подчёркивает важность ещё одного компонента мягкой силы Индии, – демократии и демократических ценностей, – который активно осуждается и все активнее используется в официальной внешнеполитической лексике нынешнего руководства страны.

Значительное число специалистов в самой Индии и за её пределами полагают, что продолжительная традиция достаточно прочной, хотя и несколько хаотичной, демократии позволяет Индии использовать в качестве своего бесспорного актива «демократический эземплиаризм» – парадигму, основывающуюся на успешных примерах не только США, но и развивающейся либеральной демократией в странах Восточной и Юго-Восточной Азии [3]. Демократические традиции Индии, считают они, в большей степени соответствуют региональным и международным стандартам современных и легитимных социально-политических систем, изначально обеспечив ей положительную репутацию и доверие к её внешней политике [19]. И потому игнорирование или забвение демократии во внешней политике будет являться отказом от одного из самых действенных инструментов её мягкой силы [25, р. 53]. Акцентирование этого актива с начала 2000-х гг. все очевиднее проявляется в практической политике Индии, расширяющей активность по поддержке, в координации с международным сообществом, демократии за рубежом. В 2005 г. Индия присоединилась к Фонду демократии ООН, вложив в него 25 млн. долл. и став вторым после США крупнейшим его донором [3]. На региональном уровне Индия расширяет своё участие в программах электорального содействия, укрепления правления закона и противодействия коррупции. Так, в Афганистане Индия решила связать свою помощь развитию с проектами продвижения демократии.

Вместе с тем, ряд специалистов указывают на ограниченные возможности использования Индией этого актива. Два важных обстоятельства чаще всего упоминаются в этой связи. Во-первых, это недостатки самой индийской демократии и внутренней политики, порождающие напряжённость, противоречия и критику [34, р. 3310]. В частности, некоторые сомнительные правительственные инициативы, связанные с противодействием внутреннему сепаратизму и оборачивающиеся нарушениями прав человека армией и полицией, весьма негативно отражаются на имидже страны, подрывая тем самым её мягкую силу [33]. Во-вторых, не менее серьёзные ограничения создаёт и объективный региональный контекст, вынуждающий Индию действовать с высокой степенью осторожности [9].

Более того, некоторые индийские специалисты вообще скептически оценивают демократию в качестве действенного актива индийской мягкой силы. Претендовать на роль такого актива может не демократия, которая не отличается в Индии оригинальностью, а, скорее, плюрализм, который является основным принципом индийской культуры и цивилизации. «Сила Индии, – убеждён А. Бхаттачарья, – заключается в том, что Рабиндранат Тагор определил как «единство разнообразия»,

а не в том, что обыкновенно воспроизводится в индийских политических и академических кругах как «единство в многообразии» [2]. И все же, постепенно расширяющиеся связи Индии с США и азиатскими демократиями (Япония, Южная Корея, Австралия), настойчивое акцентирование ценностей демократии в ходе многочисленных зарубежных визитов Н. Моди, вместе с возрастающей тревогой Китая по поводу угрозы появления «демократической оси» в Азии, указывают на то, что Индия все больше опирается на этот актив для укрепления своего международного влияния и мягкой силы.

«С начала 2000-х гг., вместе с возвышением Индии на мировой арене, – как отмечает Р. Мукерджи, – академические и стратегические сообщества в Индии и за границей продемонстрировали устойчивое увеличение числа работ по мягкой силе Индии» [25, p. 46]. Сегодня оба растущих азиатских гиганта – Индия и Китай – пытаются использовать свою мягкую силу глобально, хотя и по-разному. Если главной визитной карточкой Китая выступают его экономические успехи, то Индия пытается опереться на смесь конституционных, политических, экономических и культурных ценностей [32]. Тем не менее, Индия всё ещё окончательно не определилась со своей мягкой силой концептуально, и не сформировала её целостного видения. Ей по-прежнему не хватает здоровых амбиций и заинтересованности в выработке большой стратегии [2]. Она находится в замешательстве относительно собственной идентичности и, соответственно, не уверена в возможностях реализации своей силы [25, p. 55]. Сам Н. Моди вынужден был признать в одном из своих публичных выступлений, что среди множества вопросов, из-за которых страна не в состоянии представить бренд Индии миру во всей его красе, основным является «индийское отсутствие уверенности в Индии». А продавцы, заметил он, должны быть уверены в продукте, который они хотят передать миру [22]. Однако постепенно набирающие силу перемены свидетельствуют о том, что гигант начинает выходить из тени.

Литература

1. Baru Sanjaya. The Influence of Business and Media on Indian Foreign Policy // *India Review*. 2009. Vol. 8. No 3. Pp. 266–285.
2. Bhattacharya Abanti. India's Growing Soft Power in Southeast Asia: Will it Clash with China? // *IPCS Special Commentary August 2013* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ipcs.org/article/southeast-asia/ipcs-special-commentary-indias-growing-soft-power-in-southeast-asia-4070.html>. (дата обращения 16.12.2016 г.).
3. Blarel Nicolas. India's Soft Power: From Potential to Reality? [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lse.ac.uk/ideas/publications/reports/pdf/sr010/blarel.pdf>. (дата обращения 10.04.2016 г.).
4. Chanana Dweep. India as an Emerging Donor // *Economic and Political Weekly*. 2009. Vol. 44. No 12. March 21 – March 27. P. 11–14.
5. Cohen Stephen. *India: Emerging Power*. Washington, D.C.: Brookings Institution Press, 2002. 377 p.
6. *Countries Ranked by Military Strength (2016)* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.globalfirepower.com/countries-listing.asp>. (дата обращения 10.01.2017 г.).

7. Dutta Sujit. *Managing and Engaging Rising China: India's Evolving Posture* // *Washington Quarterly*. Spring 2011. Vol. 34. No 2. P. 127–144.
8. Ganapati Reddy. *Digital India: India no Way Near as a «Soft Power»* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ibnlive.com/news/tech/digital-india-india-no-way-near-as-a-soft-power-1067429.html>. (дата обращения 21.12.2016 г.).
9. Grävingsholt Jörn, Bader Julia, Faust Jörg and Kästner Antje. *The Influence of China, Russia and India on the Future of Democracy in the Euro-Asian Region* // German Development Institute (DIE). Briefing Paper 2/2011. [Электронный ресурс]. https://www.die-gdi.de/uploads/media/BP_2.2011.pdf (дата обращения 16.12.2016 г.).
10. Grebe Jan, Mutschier Max M. *Global Militarisation Index 2015*. Bonn: Bonn International Center for Conversion GmbH, 2015. 15 p.
11. Hall T. *An Unclear Attraction: A Critical Examination of Soft Power as an Analytical Category* // *The Chinese Journal of International Politics*. Summer 2010. Vol. 3. Issue 2. Pp. 189–211.
12. Hall Ian. *India's New Public Diplomacy. Soft Power and the Limits of Government Action* // *Asian Survey*. 2012. Vol. 52. Number 6. Pp. 1089–1110.
13. Hall Ian. *China Crisis? Indian Strategy, Political Realism, and the Chinese Challenge* // *Asian Security*. 2012. Vol. 8. Issue 1. Pp. 84–92.
14. Hymans, Jacques E. C. *India's Soft Power and Vulnerability* // *India Review*. 2009. Vol. 8. No 3. Pp. 234–265.
15. *IMF World Economic Outlook*. October 2016 [Электронный ресурс]. URL: [sta-tisticstimes.com/economy/countrys-by-projected-gdp.php](http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2016/01/01/summary.aspx). (дата обращения 12.01.2017 г.).
16. *IMF World Economic Outlook (WEO)*. October 2016 [Электронный ресурс]. URL: [knoema.com/atlas/ranks/GDP-growth](http://www.knoema.com/atlas/ranks/GDP-growth). (дата обращения 12.01.2017 г.).
17. *India's Relative Ranking in the World* [Электронный ресурс]. URL: www.nriol.com/india-ststatistics/world-ranking.asp. (дата обращения 12.01.2017 г.).
18. Lee John. *Unrealised Potential: India's «Soft Power» Ambition in Asia* // *Foreign Policy Analysis*. 2010. 4, June 30. 18 p.
19. Lee John. *India's Edge Over China: Soft Power* [Электронный ресурс]. URL: http://www.businessweek.com/globalbiz/content/jun2010/gb20100617_150774.htm
20. Lukes S. *Power and the Battle for Hearts and Minds: on the Bluntness of Soft Power* // *Millennium: Journal of International Studies*. June 2005. Vol. 33. Issue 3. Pp. 477–493.
21. Mattern J. B. *Why Soft Power Isn't So Soft: Representational Force and the Sociolinguistic Construction of Attraction in World Politics* // *Millennium: Journal of International Studies*. 2005. Vol. 33. Issue 3. P. 583–612.
22. *Narendra Modi's Formula for «Brand India»: Leverage Legacy, «Soft» Power; Marry Global Demand with India's Strengths* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.campaignindia.in/article/narendra-modis-formula-for-brand-india-leverage-legacy-soft-power-marry-g/419564>. (дата обращения 7.01.2017 г.).
23. Mohan C. Raja. *Indian Diaspora and «Soft Power»* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mea.gov.in/articles-in-indian-media.htm?dtl/15256/Indian+diaspora+and+soft+power>. (дата обращения 03.10.2016 г.).
24. Mukherjee Pranab. *Inaugurates International Seminar on Aerospace Power: Calls for Strengthening of International Legal Regime for the Peaceful Use of Outer Space*. New Delhi: Ministry of External Affairs, Press Information Bureau, Government of India, February 4, 2007. [Электронный ресурс]. URL: <http://pib.nic.in/>. (дата обращения 16.12.2016 г.).
25. Mukherjee Rohan. *The False Promise of India's Soft Power* // *Geopolitics, History, and International Relations*. Volume 6(1). 2014. Pp. 46–62.
26. Mullen Rani D., Gangly Sumit. *The Rise of India's Soft Power*. May 8, 2012 [Электронный ресурс]. URL: http://www.foreignpolicy.com/articles/2012/05/08/the_rise_of_indian_soft_power. (дата обращения 14.12.2016 г.).
27. Navdeep Suri. *Public Diplomacy in Indian Foreign Policy* // *Strategic Analysis*. March 2011. Vol. 35. Issue 2. Pp. 297–303.

28. Narendra Modi's Formula for «Brand India»: Leverage Legacy, «Soft» Power; Marry Global Demand with India's Strengths [Электронный ресурс]. URL: <http://www.campaignindia.in/article/narendra-modis-formula-for-brand-india-leverage-legacy-soft-power-marry-g/419564> Дата обращения 14.01.2017 г.).

29. Olivia Piana, Grasia Manuel, Garsia-Calvo Carola. Elcano Global Presence Report 2014. Madrid: Real Instituto Elcano, 2014. P. 10–11. [Электронный ресурс]. URL: http://www.globalpresence.realinstitutoelcano.org/en/data/Global_Presence_2015.pdf. (дата обращения 10.01.2017 г.).

30. Pant Harsh V. New Delhi's Soft Power Push [Электронный ресурс]. URL: <http://yaleglobal.yale.edu/content/new-delhi's-soft-power-push>. (дата обращения 11.10.2016 г.).

31. Pethiyagoda Kadira. India's Soft Power Advantage [Электронный ресурс]. URL: <http://thediplomat.com/2014/09/indias-soft-power-advantage/> (дата обращения 11.11.2016 г.).

32. Pocha, Jehangir The Rising «Soft Power» of India and China // *New Perspectives Quarterly*. 2003. Vol. 20. Issue 1. Pp. 4–13.

33. Purushothaman, Uma. Shifting Perceptions of Power: Soft Power and India's Foreign Policy// *Journal of Peace Studies*. 2010. Vol.17. Issue 2/3 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.icpsnet.org/adm/pdf/1291714915.pdf> (дата обращения 16.12.2016 г.).

34. Sahu Asima. Soft Power and India: A Critical Analysis // *Scholarly Research Journal for Humanity Science & English Language*. December – January 2016. Vol. 3/13. Pp. 3301–3314.

35. Siri Rajiv. *Challenge and Strategy: Rethinking India's Foreign Policy*. New Delhi: Sage, 2009. 319 p.

36. Tandon Aakriti. The Modi Government and India's Projection of Its Soft Power [Электронный ресурс]. URL: <http://www.commonwealthroundtable.co.uk/commonwealth/the-modi-government-and-indias-projection-of-its-soft-power/> (дата обращения 10.01.2017 г.).

37. Tharoor Shashi. Soft Power Can Make Us a Global Leader [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ndtv.com/india-news/shashi-tharoor-soft-power-can-make-us-a-global-leader-498517> (дата обращения 11.10.2016 г.).

38. Wijayabahu Kilani. Strengthens and Challenges for Utilizing Indian Soft Power: A Comparative Study with the United States of America // *International Journal of Scientific and Research Publications*. Vol. 4. Issue 12. December 2014. Pp. 1–11.